

— Оставшееся время до отпуска мне всё почти пришлось потратить на обещанный отчёт Бубнову. 2-го июля я предпринял вылазку на рыбалку с ночёвкой и очень неудачно. Серёжа и Смертин уговаривали меня поехать на Зелёный остров, но я отказался, так как хотел посмотреть футбол вечером, показывали мой любимый "Зенит". "Зенит" благополучно проиграл - он предпочитает проигрывать как раз те матчи, которые показывают по телевидению, после чего я отправился всё-таки на рыбалку, но один.

— Время было уже позднее, и, чтобы не прозевать вечернюю зорю - я поехал поближе - на 14-й километр Балтийского шоссе на морской канал. Было сравнительно сухо, и мне удалось пробиться практически по бездорожью к самому берегу канала. Местечко я выбрал очень удобное: уютный вытопанный рыбаками закуток в камышах, в воде подставки для удочек, мотоцикл рядом, ветра нет, поверхность воды гладкая, в ней чётко отражается силуэт заросшего большими деревьями насыпного острова напротив - сиди, лови и наслаждайся!

— Я расположился капитально, закинул донные спиннинговые снасти и поплавковые удочки, и приготовился к поклёвкам. Но их не было. Абсолютно. Даже ни намёка. Ни ершишка никакой паршивый не беспокоил. Глухо - как в танке. Или как в соляной кислоте, как любил говаривать Саня Шевчук. Уж я и перекидывал снасти туда-сюда, и наживку менял. Бесполезно. А время шло, солнышко садилось, началась вечерняя заря, самый клёв должен быть, - и ничего!

— Мне стало казаться, что вода чем-то пахнет. Может, замор от ЦБЗ досюда дошёл? Такое бывает, когда длительные западные ветры запирают устье Прегеля и не дают стекать отравленной отходами ЦБЗ воде. В такие периоды по всему городу вонь стоит, особенно вблизи Прегеля, но в этом году такого вроде бы ещё не было. Тем не менее в том месте, где я сейчас рыбачил, рыба явно отсутствовала. Надо было сматываться, иначе в потёмках я отсюда не выеду. С другой стороны, угорь берёт ночью, сразу как стемнеет, и, может, стоит подождать?

— В этих сомнениях я и дождался сначала сумерек, а потом и полной ночи. До полвторого я освещивал фонариком на фарфоровые изоляторы, служившие у меня сигнализаторами поклёвок на спиннинговых донках, но они не шевелились. Только крыса или выдра, или ондатра шуршала в камышах в метре от меня, иногда плюхалась в воду, плавала там и снова выползала на берег.

— Костра я не мог развести, так как в спешке с вечера не заготовил дров. Транзисторный приёмник, правда, отчасти развлекал меня, но и с ним сидеть у мёртвой воды, неподвижно отражающей звёздное небо, мне уже надоело. Хотелось спать. Я расстелил на дне коляске специально взятое с собой из гаража тряпье - старые пальто, куртку, ватник, надел на себя проолифенку, забрался в коляску как в железный гроб, в которой с трудом можно было повернуться, и уснул.

— А часа через полтора проснулся от жуткого холода, от которого не спасали никакие попытки закутаться во что-нибудь из моего тряпья. Безуспешно поборовшись с холодом минут двадцать, я вылез из коляски, сплошь покрытой снаружи каплями сконденсировавшегося тумана. Туман густейшей пеленой заволакивал всё вокруг. Никаких огней - ни Калининграда вдалеке, ни бакенов на канале - не было видно. Какое-то громадное судно, непрерывно мыча, медленно продвигалось мимо меня по каналу и, наконец, встало как-то наискось прямо напротив моего места, ожидая, наверное, когда рассеется туман.

— Я проверил снасти. Все наживки ободраны, но, похоже, просто об камни, когда снасти болтало волнами от проходивших судов. Наживив свежих червяков, я перезакинул снасти, но наблюдать за ними всё равно было невозможно - ещё и батарейки фонарика подсели к тому же. Приёмник, правда, работал. Я стоял в сплошном тумане, временами приседая, чтобы согреться, и ждал, когда рассветёт. Никогда ещё так тоскливо я не

чувствовал себя на рыбалке.

—Время тянулось невыносимо медленно, потому что убивал я его на редкость тупо: не спал, не отдыхал и делом не занимался. Просто мёрз и ждал. Но всему приходит конец. Кончились и мои мучения. Всё вокруг стало сереть, а потом вдруг откуда ни возьмись дунул ветерок, и туман стеной откатился куда-то за пойму канала, уступив место тёплому прозрачному воздуху. Зашевелились на судне, и оно неторопливо двинулось себе дальше по каналу.

—Я смотал снасти, сложил всё своё барахло, завёл мотоцикл и отправился восвояси, несолоно хлебавши. Однако рассвело ещё недостаточно, и я угодил-таки пару раз в рывины-колдобины, из которых выволок свою телегу с большими мучениями. Но вот и шоссе. Солнышко показалось. Люди, вон, только едут ещё на рыбалку, а я уже домой качу. Скорей бы в постель!

—До отпуска мне пришлось ещё разок смотаться в командировку - в Москву, в ИПГ, оппонировать на защите Бори Серебрякова из отдела Иванова-Холодного, формально подопечного Андрея Михайлова, но работавшего на самом деле совершенно самостоятельно. Мне довелось рецензировать все его статьи в "Геомагнетизме и аэрономии" (четыре или пять). Половину я заворотил ему обратно на переделку, он перерабатывал их и отсылал снова в "Г. и А.", они снова попадали ко мне на рецензирование, и в конце концов все были напечатаны.

—Таким образом диссертацию его я хорошо знал по статьям, замечания мои он и так почти все учёл, когда статьи перерабатывал, да к тому же ещё приезжал выступать к нам в кирху, где мы выяснили все неудачно изложенные им места. В целом мне его работа очень нравилась и оппонировать ему было легко. На вопросы отвечал он прекрасно, чувствовалось глубокое понимание предмета.

—Правда, защита едва не сорвалась, так как опоздал Тулинов, без которого не было кворума (Москву всю перекрыли из-за визита какого-то зарубежного гостя), а председатель совета Авдюшин, ставший вскоре директором ИПГ, не хотел ждать, приучая своих к дисциплине и не взирая на то, что я специально приехал в командировку только на эту защиту. Авдюшина я видел впервые, и он произвёл на меня пренеприятнейшее впечатление тем, что непрерывно пыжился, изображая из себя сильную личность и компетентного учёного.

—Защитился Боря успешно - все "за". Отмечали защиту в Сокольниках, откуда перебрались потом на квартиру к Жоре Островскому. Мы с Андреем Михайловым орали там песни Высоцкого под гитару. Гор Семёнович на телевизор упал, а Боря признавался мне, что наукой он заниматься терпеть не может, мечтает об Антарктиде, где он один раз уже бывал и хочет опять поехать - вот это настоящая работа для мужчин!

—Не помню, не в этот ли раз Гор Семёнович спрашивал меня: не обиделся ли я на него за то, что он отказался дать отзыв на мою диссертацию? Ведь он просто не хотел выглядеть сующимся не в свою область. Вообще чувствовалось, что Иванов-Холодный сменил своё отношение ко мне с прохладно-равнодушного на почти дружественное. Мне это было приятно. Правда, мне в скором времени предстояло оппонировать на защите докторской Михайлова - его ученика, но в этом ли было дело?

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)